

Владимир МАСЛИЙЧУК

Імперські ідентичності в українській історії XVIII – першої половини XIX ст. / За ред. Вадима Ададурова та Володимира Склокіна. Львів: Видавництво Українського католицького університету, 2020. 304 с. Іменний покажчик. Географічний покажчик. ISBN: 978-617-7608-23-2.

Проблема групової ідентичності в домодерний період, особливо в континентальних імперіях кінця XVIII – початку XIX вв., являється однією з найбільш складних. Її дослідження сталкюється з неразличенням різних принципів колективної лояльності, зачастую ігнорують політичні межі (“ірредентизм”). Обнаблюдувані істинні джерела сучасних національних рухів оказува-

ються неразрывно зв'язаними с додатковою проблематикою соціальною і політичною емансипації і культурною уніфікації. Імперська “ідентичність” оказується не фіксованим набором характеристик, а продуктом складних мультикультурних відносин і подвійних, трійних, а іноді і більш багатомірних представлень о своєму місці в державі і суспільстві.¹ Рецензована нова колективна монографія (а скоріше – збірник статей, об'єднаних темою і розміщених в хронологічному порядку) – трохи запоздала, но дуже продуктивна реакція на вивчення імперії і імперських практик в українській історії.

Сучасна територія України к початку XIX століття оказалась поделена между тремя імперіями: Австрійською, Османською і Російською. Османський фактор

¹ В українському прикладі “революційним” стало дослідження Соломії Павличко о востоківеді Агафангелі Кримському: С. Павличко. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агафангела Кримського. Київ, 2000.

оказался маргинализирован уже к 1840-м годам, поэтому внимание авторов книги сосредоточилось, прежде всего, на практиках империй Романовых и Габсбургов.

Сборник состоит из пяти разделов, написанных Вадимом Ададуровым, Владимиром Кравченко, Михаэлем Мозером, Владимиром Склокиным и Максимом Яременко, с послесловием Остапа Середы. За исключением текста Кравченко остальные разделы основаны на докладах, представленных на семинаре по имперской истории в Украинском католическом университете во Львове 26 сентября 2017 г. Выросший из этого семинара сборник воспроизводит его крайнюю территориальную избирательность: в нем не представлены юг Украины, Правобережная Украина (с Подолией и Волынью) и очень важная для понимания имперского прошлого бывшая Гетманщина (“Малороссия”). Поскольку региональная идентичность играла ключевую роль в сложносоставных имперских идентичностях, недостаточная пространственная репрезентативность коллективного исследования украинской истории является главным его недостатком. В то же время, важным достижением авторов сборника является параллельное изучение опыта Австрийской и Российской империй, о чем читателя преду-

жеждает уже обложка книги (воспроизводящая картину Иоганна Иеронима Лойшенколя “Встреча Иосифа II с Екатериной II в Новых Кайдаках”, 1787 г.). Особенно последовательно межимперское сравнение проводится в главах, написанных Вадимом Ададуровым и Михаэлем Мозером.

Предисловие к книге Вадима Ададурова и Владимира Склокина точно обрадует фуколдианца, ведь в нем обсуждается “культурная доминанта” империи в категории “власть – знание”, способной преобразовать пространства. В схеме “власть – знание” участвуют и высшие слои общества периферийных регионов, ставшие частью общеимперской элиты и сотворцами империй с их многожественными региональными идентичностями. Представляется, однако, что обсуждение проблемы имперского прошлого применительно к украинской истории требует анализа несколько иной генеалогии социально-политических представлений. Представление об империи на этом пространстве было сформировано, прежде всего, пониманием Советского Союза как имперского проекта. В крайнем случае, речь может идти о восприятии феномена империи периода Великих реформ в России и Компромисса в Австрии (Австро-Венгрии) 1860-х гг. В этот период и возникают пресло-

вутые “национальные вопросы”, а имперские режимы начинают определяться по отношению к национальным проектам как “гегемонные” и “подавляющие”. Эпоха до середины XIX в. слишком противоречива с точки зрения устройства механизмов власти и местных практик социального порядка, даже на уровне языка, описывающего эти феномены. Неслучайно этот период составляет зачастую “темную эпоху” национальных историографий, и эту проблему подчеркивают сами авторы сборника. Как указывают Ададуrow и Склокин, “постколониальный комплекс” вытеснил феномен империи из украинского понимания собственной истории, подменив его абстракцией “политического господства”. Но если обратить внимание на аспект культурного доминирования, перед нами возникнет иная и более сложная картина.

Параллельное изучение украинских земель в Австро-Венгрии и России порождает новые проблемы, тем более что эти империи оставили разное наследие в украинской исторической памяти. В частности, на Западной Украине “австрофильство” до сих пор является частью публичной истории и политики памяти с

середины 1990-х гг., в том числе и как противопоставление российскому (советскому) имперскому проекту. Эта идеализация Австрийской империи скрывает многочисленные противоречия, обнаруживаемые при систематическом изучении империи. Идеализированный популярным нарративом Иосиф II – адепт Просвещения и “освободитель от крепостного гнета” галицких крестьян, сторонник равенства церквей – в своих преобразованиях пошел на конфликт со многими местными элитами. Преемники Иосифа изменили большинство его смелых реформ, дабы не усугублять противоречия – однако последние все равно ярко проявились в XIX веке.² Впрочем, и в России многие нововведения Екатерины II были отменены ее наследником Павлом I.

Поднятые в предисловии концептуальные вопросы задают тон всей книге: это проблема центра и окраин, “имперскости” и “империализма”, мультикультурализма империй, особенно на ранних этапах их существования, историографические дебаты о понимании “малорусскости” и “австрорусизма”. Очерченные Ададуrowым и Склокиным проблемы формулируют исследовательскую

² См. Robert A. Kann. *Geschichte des Habsburgerreiches 1526 bis 1918*. Wien-Köln-Weimar, 1993. S. 177.

программу, значительно расширяющую интерпретационные возможности историков.

Сборник организован по хронологическому принципу. Открывает его интересное исследование Максима Яременко “Стратегии интеграции уроженцев Речи Посполитой в социальное пространство Российской империи в XVIII в.: случай священника Павла Лобко”. Этот раздел важен, прежде всего, своим вступлением, обсуждающим представления об империи на примере позднего, но очень значительного для идеологом украинской литературы произведения Леси Украинки “Боярыня”.³ Среди поднимаемых Яременко тем – имперские образовательные реформы, попытки контроля государства над церковью и образованием. Основное внимание автора сосредоточено на более поздних представлениях о противостоянии Киева и Москвы и “нелояльности” киевского духовенства. Скандальный киевский священник Павел Лобко, как и его оппоненты и враги, в своей риторике постоянно подчеркивал

верность имперской власти в надежде на разнообразные “бонусы” и поддержку. При этом декларирование верности престолу вовсе не означало отказа от культурной или этнической идентичности. Успешное владение риторическими приемами и юридическими формулами давало преимущество в дискуссии. Используя случай Лобко, автор пытается продемонстрировать формирование “схем верности”, но этот пример, конечно, нуждается в дополнительных доказательствах. Не вызывает сомнений, однако, то, что социальная история киевского духовенства практически до конца XVIII в., даже после секуляризации и интеграционных мер 1760–80-х гг., изобиловала примерами смешанной лояльности. О противоречивых культурно-политических тенденциях в православной церкви много пишет и сам Максим Яременко.⁴

Наиболее полно представлен в сборнике восточный украинский регион Слободской Украины в разделах, принадлежащих Владимиру Кравченко и Владимиру

³ Очень интересно, что сюжет “Боярыни” заимствован Лесей Украинкой из повести “Черниговка: Быль со второй половины XVII века” (1881) Николая Костомарова, – о жизни в Москве украинской девушки из Чернигова, увезенной с родины русским воеводой. “Черниговка” остается наиболее романтическим художественным произведением Николая Костомарова.

⁴ Максим Яременко. Київське чернецтво у XVIII ст. Київ, 2007; Его же. Перед викликами уніфікації та дисциплінування: Київська православна митрополія у XVIII столітті. Львів, 2017.

Склокину, – авторам важных монографических исследований по истории Слобожанщины.⁵ К истории пограничья они подходят с разных сторон. В главе “Упразднение автономии и трансформация идентичностей в Слободской Украине второй половины XVIII в.” Склокин реконструирует историю политической интеграции региона в империю. Прежде всего, его интересует конфликт социально-политического воображения причастных к этому процессу исторических деятелей и трансформация их взглядов, что предопределило особое внимание автора к эго-документам. По мнению Склокина, ключевую роль в истории Украины нового времени, особенно Харькова, сыграло сочетание идей Просвещения с традиционными политическими представлениями и имперскими реформами, втянувшими регион в более широкий имперский и общеевропейский контекст. В большой статье Кравченко “Провинциальные поиски коллективной идентичности: пример Слободской Украины” основное внимание сосредоточено на интеллектуальной составляющей “разбросанных идентичностей” пограничья. Его исследование об-

ращает внимание на переплетение нескольких факторов: региональных особенностей, отождествления Слобожанщины с “Малороссией” и начального этапа украинского национального движения. Поиск новой групповой идентичности описывается на примере взглядов важных представителей местной интеллектуальной среды – Ильи и Григория Квиток, Василия Каразина, Измаила Срезневского. Статья Кравченко во многом служит продолжением исследования Склокина, расширяя и контекстуализируя его с точки зрения интеллектуальной истории. Однако для реконструкции целостной картины имперских идентичностей региона остро не хватает церковной составляющей, как части комплексной самоидентификации.

Сложившийся в сборнике образ Слободской Украины в имперском пространстве оказывается односторонне секулярным. Включение важнейшей для людей той эпохи церковной сферы в исторический анализ усложняет реконструируемую картину. Со времени синодализации при Петре I епископские кафедры в Российской империи занимали в основном, за отдельными исключениями, выходцы из

⁵ Владимир Кравченко. Харьков / Харків: столица Пограниччя. Вильнюс, 2009; Володимир Склокін. Російська імперія і Слобідська Україна у другій половині XVIII ст.: просвічений абсолютизм, імперська інтеграція, локальне суспільство. Львів, 2019.

украинских земель. Епископский престол Белгородской епархии (и новообразованной Слободско-Украинской епархии с 1799 до 1816 г.) также занимали иереи с “киевским прошлым”, воспитанники Киевской Академии. Наиболее выдающийся из них, Иоасаф (Горленко) (епископ в 1748–1753 гг.) – дядя Ильи Квитки и брат бабушки Григория Квитки (Основьяненко). Православная риторика, характерная для взглядов обоих писателей, в сочетании с идеями Просвещения составляет важную часть имперской лояльности, как показано в главе Михаэля Мозера. Не менее важна роль церкви как традиционной основы культурной сферы для самого осмысления местного единства. Первое систематическое изложение истории региона “Историко-статистическое описание Харьковской епархии” было подготовлено и отредактировано харьковским архиепископом Филаретом (Гумилевским) в середине XIX в. В тексте этой работы риторика “верности государю” соседствует с описанием особенностей населения епархии – “малороссов” и “великороссов” (как в церковном, так и этнографическом плане). В целом, невнимание к церковной проблематике характерно для региональной историографии, хотя в других разделах рецензируемого сборника церковно-религиозная

составляющая комплексной имперской идентичности играет во многом определяющую роль.

Большая глава Вадима Ададунова посвящена очень важному церковному деятелю Галиции, первому греко-католическому митрополиту (с 1806 г.), владыке Антонию Ангеловичу – стороннику монархии Габсбургов во Львове. Высказывавшиеся Ангеловичем взгляды не сводились к проблематике взаимоотношений государства и церкви. Хотя “литературное наследие митрополита не впечатляет ни блестящим стилем, ни глубокими обобщениями”, в нем формулируются идеи, созвучные критике Великой французской революции и формирующемуся консерватизму как политическому течению. Ангелович рассуждал об “установленном Богом порядке” и прежде всего о поддержке монархического (“справедливого”) правления. Несмотря на процессы секуляризации, позиция церкви и высказывания ее деятелей являются важным ключом к пониманию имперского прошлого, где церковным учреждениям отводилась роль главных культурных институтов.

В главе, написанной Михаэлем Мозером, сравниваются брошюры Ивана Могильницкого “Повинності підданих” (1817) и “Листи до любезних земляків” (1839) Григория Квитки-Осно-

вьяненко. Два имперских чиновника (Австрийской и Российской империи), апеллируя к Библии и базовым идеологическим посылам соответствующих имперских режимов, пытались призвать низшие слои к послушанию властям и правильному образу жизни. Политически безусловно “имперские”, эти тексты написаны на украинском языке до его стандартизации и обращены к крестьянской массе, формируя основу будущего национального дискурса и среды массовой письменной культуры. Мозер демонстрирует многогранность политической функции языка, одновременно выступающего в качестве инструмента поддержания имперской власти с консервативных позиций и подрывающего ее господство через развитие национальной культурной сферы.

В послесловии к сборнику Остап Середа предлагает некоторый синтез включенных в книгу исследований. Он подчеркивает, что описываемый авторами тип империи отличается от современных империй, стремящихся к унификации и созданию единой “имперской нации”. В империях XVIII – первой половины XIX в. уживались разные “языки”, “народы” и идентичности, связанные только верностью монархии, а империя действовала лишь как “значимая рамка для целого ряда

идентичностей”. Пространство “старой империи” состоит на практике из множества локальных сообществ, его единство иллюзорно, в то время как с ростом массовой мобильности, благодаря социальному и техническому прогрессу (распространению пароходов и паровозов, строительству новых дорог и составлению карт) общее пространство империи становится осязаемой реальностью. Как замечает Середа, довольно трудно даже очертить территорию Австрийской империи в эпоху больших реформ периода абсолютизма (Марии Терезии и Иосифа II), ведь оформление собственно “австрийских границ”, отличных от Священной Римской империи германской нации, осуществляется Францем I лишь в 1804–1811 гг. перед лицом угрозы со стороны “наполеоновских правил и законов”. Ключевой открытым вопросом – как империи содействуют началу национальных движений? По мнению Середы, “хотя попытки создания новых имперских наций все же не увенчались успехом, обусловленные ими модернизационные изменения дали толчок развитию альтернативных проектов коллективной идентичности” (С. 279).

Рецензируемый сборник является важным начинанием и хорошим научным проектом, авторы которого предлагают но-

вые исследовательские приемы и часто неожиданные решения отдельных проблем украинской истории. Такие коллективные монографии, сочетающие общую концептуальную рамку с разнообразием исследовательских сюжетов отдельных глав, отличаются многогранностью подходов и множественными, как идентичности в “старых империях”, интерпретациями.

Сергей КОНДРАТЬЕВ

Matthew P. Romaniello, *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2019). 291 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-1-108-49757-2.*

В XVIII в. Россия и Британия стремительно расширяли свои границы, стали империями, начали соперничать, не прерывая взаимовыгодной кооперации. Драматичная судьба двух империй – континентальной и морской – тема не новая в литературе. Исследователи давно ищут объяснений неудачно закончившегося российского имперского проекта и более успешного британского.¹ Действительно, XVIII в. в истории России занимает особое место, поскольку, помимо трансформации в империю, она обозначила европейский вектор своей политики как приоритетный и доминантный. Одновременно в силу географии и политических

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 20-09-42055 “Джон Белл и его ‘Путешествия из Санкт-Петербурга по России в различные части Азии (1715–1722)’: исследование, перевод, предисловие, комментарии”.

¹ Paul Dukes. *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era*. London, 2015. Pp. 27, 52.